

Т.А. ПУЗЫРЕВИЧ

СОВЕТСКАЯ ФИЛОСОФИЯ НАУКИ 20-50-х гг. XX в.: ОСНОВНЫЕ ТЕНДЕНЦИИ И ПРОТИВОРЕЧИЯ РАЗВИТИЯ

Рассматриваются подходы к анализу науки в советской философии 20-50-х гг. XX в.; на основании выделенных специфических черт делается вывод о характере советской философии науки указанного периода.

The article deals with the analysis of the approaches to the research of science in the Soviet philosophy in the 20-50-s of the XX Century. The conclusion is based on the detailed specific features of the Soviet philosophy of science in the period mentioned above.

На рубеже XX-XXI вв. проводился ряд исследований с целью осмысления особенностей функционирования философии, науки и идеологии в СССР. Важным аспектом такого анализа было рассмотрение ситуации, сложившейся в советской философии науки. Исследователи отмечают ряд черт, характеризующих условия, в которых происходило становление советской философии науки: существование советской науки и научного сообщества в условиях лишения их автономного социального пространства и подчинения тоталитарным структурам власти, отсутствие свободы научного исследования и свободы творчества ученого. Однако в настоящее время такой анализ представляется неполным. В связи с этим актуальной задачей является изучение фундаментальных характеристик советской науки, факторов, оказавших влияние на процесс ее формирования, а также того, как происходило становление советской философии науки.

В рамках данной работы предпринимается попытка анализа исследований, проводимых в русле философии науки в период 20-50-х гг. XX в. в СССР. В ходе развития советской философии науки данного периода можно выделить три этапа, каждый из которых характеризуется рядом фундаментальных признаков: 1) период 20-х гг. XX в., 2) начало 30-х - середина 40-х гг., 3) вторая половина 40-х - 50-е гг. XX в. В 20-х гг. XX в. происходит утверждение ленинской программы развития естествознания, осуществляется популяризация идей науки в широких слоях общества, зарождается особая форма дискурса - дискуссия, в рамках которой осуществляется разработка актуальных проблем науки. В начале 30-х - середине 40-х гг. XX в. осуществляется канонизация работ В.И. Ленина, вульгаризация идей классиков марксизма, в ходе анализа науки утверждаются принципы догматизма и социологизаторства. В период второй половины 40-х - 50-х гг. XX в. происходит утверждение дискуссии в качестве новой формы дискурса, специфической для советской философии и науки.

Анализируя ситуацию, сложившуюся в советской науке 20-50-х гг. XX в., необходимо отметить, что в этот период развитие теоретического знания в СССР во многом определялось достижениями науки дореволюционной России. Наряду с этим новая власть активным образом корректировала направления исследований, в первую очередь стимулируя научные разработки прикладного характера. Научные исследования в период 20-50-х гг. XX в. в СССР проводились в соответствии с программой, заданной В.И. Лениным в статье «О значении воинствующего материализма», согласно которой успешное развитие научного

знания основано на прочном союзе естествознания и материалистической философии: «...без солидного философского обоснования никакие естественные науки, никакой материализм не может выдержать борьбы против натиска буржуазных идей и восстановления буржуазного мирозерцания»¹.

В 20-е гг. XX в. советская философская традиция развивается в русле мировой философской мысли рубежа XIX-XX вв. Об этом свидетельствуют разработываемые в данный период в СССР вопросы истории философии (Г.Г. Шпет, А.Ф. Лосев, С.Ф. Ольденбург, О.О. Розенберг, А.А. Мейер и др.), искусства и эстетики (А.Г. Габричевский, Г.И. Винокур, Н.И. Жинкин и др.), психологии (С.Л. Рубинштейн, Л.С. Выготский, Г.И. Челпанов и др.), языка (М.М. Бахтин, П.А. Флоренский и др.). В указанный период появляются работы по методологии науки (В.Н. Ивановский), науковедению (И.И. Боричевский), анализируются механизмы применения количественных и математических методов к истории физики (Т.И. Райнов). Особое внимание в советской философии уделяется популяризации и догматизации идей марксизма, выступающего в начале 20-х гг. XX в. в СССР в форме «всепоглощающей теории научного социализма (или коммунизма)»² (В.П. Разумовский, В.А. Быстрянский и др.), исторического материализма (Н. Бухарин, Б. Горев, А. Тюменев и др.), а в конце 20-х гг. XX в. в форме диалектического материализма (В. Горин-Галкин и др.). Отметим, что большинство авторов, разрабатывавших марксистскую философию в 20-е гг. XX в., занимались исследованием широкого спектра вопросов: нужна ли философия и идеология в новых социалистических условиях, как интерпретировать марксистскую философию. Эти исследователи особым образом акцентировали внимание на необходимости изучения предшествующей философской традиции, признавая преемственность в развитии философской мысли.

Научные теории и открытия в естествознании в советской философии 20-х гг. XX в. анализировались в форме дискуссий, среди которых выделим две наиболее важные. Первая, известная как дискуссия «диалектиков» и «механистов», была посвящена поиску ответа на вопрос о соотношении марксистской философии и естествознания. Возглавляемая А.М. Дебориним ведущая группа исследователей (Н. Карев, Я. Стэн, И.К. Луппол, Б.М. Гессен и др.) - «диалектиков» - основной задачей философии считала необходимость разработки концепции, в рамках которой могут быть решены вопросы в области теоретического естествознания. Группа А.М. Деборина своей целью видела разработку «...диалектики как метода изучения природы и общества, как особого способа мышления, противостоящего формальной логике, отождествляемой с метафизикой»³, «диалектизацию» естествознания, которое играет роль прикладного знания по отношению к марксизму в целом. Противостоящая «диалектикам» группа «механистов» (А.И. Варьяш, И.И. Скворцов-Степанов, В. Сарабьянов, С. Перов и др.) под руководством Л.И. Аксельрод и А.К. Тимирязева отстаивала тезис о том, что философские принципы являются лишь выводами из наук, а не основаниями и аргументами в научном исследовании, и поэтому строить марксистскую философию следует на естественнонаучной (физической) основе. Позиция «механистов», по сути, была аналогична убеждениям представителей западной традиции позитивизма - философского направления, фундированного установкой, согласно которой достоверное знание о мире может быть получено только в результате научного (не философского) познания.

Значение дискуссии «диалектиков» и «механистов» для советской философии науки заключалось в выяснении роли и функций диалектических представлений в естественнонаучных исследованиях. Эта полемика началась как чисто научное действие, однако в конце 1920-х гг. переросла в политическую конфронтацию в связи с вынесением политических взглядов Н.И. Бухарина и Л.Д. Троцкого на передний план дискуссии. Их обвиняли не в научных ошибках, а во «вредительской деятельности», что послужило основанием для осуждения механицизма как философского течения на официальном уровне в специальном постановлении ЦК ВКП(б) в январе 1931 г.

Сущность другой дискуссии, начавшейся в 20-е и закончившейся лишь в 40-е гг. XX в. и проходившей под лозунгом борьбы против «физического идеализма», выражается в споре по вопросу о становлении нового (неклассического)

типа научной рациональности. Ее возникновение обусловлено необходимостью поиска ответа на вопрос о роли квантовой механики и теории относительности А. Эйнштейна для дальнейшего развития науки. В процессе полемики были выявлены две диаметрально противоположные точки зрения: А.К. Тимирязева, А.А. Максимова, Э. Кольмана, В.Ф. Миткевича и др., не принявших новые идеи релятивистской физики и отстаивающих истинность классических воззрений; ей противостоящая позиция С.Ю. Семковского, Л.И. Мандельштама, Б.М. Гессена, А.Ф. Иоффе, И.Е. Тамма и др., обосновавших в своих работах важность теории относительности и квантовой механики для физики и тем самым утвердивших принципы неклассической рациональности в науке. Принципиальным в этой дискуссии является тот факт, что приверженцы классической физики, отрицающие новые концепции, при обосновании своей точки зрения прибегали не только к физическим постулатам, но и к философским аргументам. Странники классической физики, по сути, перевели эту дискуссию в русло борьбы материализма и идеализма. Странники механистической картины реальности объявили положения теории относительности и квантовой механики идеалистическими по причине того, что релятивистская физика отказалась от наглядных моделей и заменила их абстрактно-математическими построениями. В этой связи высказывались аргументы, смысл которых сводился к следующему: «...классическая физика наглядна и понятна, в то время как современная физика сложна и совершенно не поддается материалистическому истолкованию»⁴.

Результатом этой дискуссии стало ограничение области физических явлений, достоверное описание которых можно проводить на основании механистических представлений. Итогом полемики, в частности, было отрицание возможности объяснения в рамках классической физики законов движения элементарных частиц и процессов, происходящих в ядрах атомов.

В период начала 30-х - середины 40-х гг. XX в., после установления режима личной власти И.В. Сталина, ситуация в советской философии и науке изменилась кардинальным образом. В период 28 декабря 1930 г. - 6 января 1931 г. на заседании президиума Комкадемии состоялась дискуссия, в ходе которой был выдвинут тезис о том, что старая буржуазная наука не может обеспечить реконструкцию народного хозяйства молодого советского государства, и поэтому нужна новая, отличная от буржуазной, советская, пролетарская наука. В начале 1930-х гг. по инициативе заведующего культпросветотделом ЦК А.И. Стецкого на государственном уровне в философии и во всех областях научного знания был взят курс на признание работ И.В. Сталина фундаментальными глубокими проработками произведений классиков марксизма, ориентированными на развитие марксистского мышления. Официальным стало мнение о том, что «...подобно работам Ленина, работы Сталина являются непревзойденным примером единства теории и практики»⁵. Наиболее сильное влияние на развитие философии и естествознания в СССР периода начала 30-х - середины 40-х гг. XX в. оказал труд И.В. Сталина «О диалектическом и историческом материализме» (1938). По схеме этой работы было написано множество статей, брошюр, книг, коллективных монографий. Этот труд выступал в роли обязательного источника цитирования, стал как бы эталоном, по которому развивалось научное знание рассматриваемого периода.

Сложившаяся ситуация привела к утверждению тотального идеологического и политического контроля во всех сферах жизни общества, сопровождающегося репрессиями в отношении ученых, не поддерживающих официальную точку зрения. В период начала 30-х - середины 40-х гг. XX в. в СССР детальная проработка таких разделов философии, как этика и эстетика, социальная философия, философия культуры, права, признавалась неактуальной. На первый план вышли онтологическая проблематика и гносеология, которая на данном этапе отождествлялась с ленинской теорией отражения.

Деятельность советских философов в период 30-40-х гг. XX в., по сути, была ограничена трактовкой, осмыслением, анализом работ вождей революции В.И. Ленина и И.В. Сталина, критикой предшествующей (русской) философской традиции и «буржуазной философии». В этот период труды В.И. Ленина и И.В. Сталина были «канонизированы», философия невольно стала инструмен-

том подавления многих перспективных научных исследований. Обсуждение проблем естествознания в рамках философии ограничивалось их оценкой на соответствие канонам догматизированного дискурса.

Характерной чертой советской философии периода 30-40-х гг. XX в. стала вульгаризация идей марксизма: появляются «...статьи о марксизме в хирургии, о диалектике двигателя внутреннего сгорания, о марксистско-ленинской теории в кузнечном деле, о применении материалистической диалектики в рыбном хозяйстве. Советский журнал венерологии и дерматологии формулирует новые задачи перед медиками - ставить все вопросы под углом зрения диалектического материализма»⁶.

Однако даже в таких сложных условиях были ученые, занимающиеся разработкой актуальных философско-методологических проблем естествознания. Так, например, Б.М. Гессен разрабатывал экстерналистскую модель науковедения. С.Ф. Васильев исследовал методологические проблемы неклассической физики и истории науки. Кроме того, он один из первых поставил проблему методологического статуса, границ и эвристических возможностей принципов соответствия, дополнительности и наблюдаемости. В 30-е гг. XX в. С.И. Вавилов исследовал эвристические и методологические возможности метода математической гипотезы. В.А. Фок в это время анализировал проблемы интерпретации квантовой механики, развивал идеи копенгагенской школы в контексте материалистической диалектики. В.И. Вернадский занимался исследованием многообразия пространственно-временной структуры Универсума, единства эмпирического и теоретического знания, закономерностями развития науки. Исследования этих ученых способствовали концептуальному расширению проблемы реальности, причинности, пространства, времени, закономерности и многих других методологических вопросов, рассмотренных подробнее в советской философии в 50-80-х гг. XX в.⁷

Во второй половине 40-х - 50-х гг. XX в. многие советские ученые надеялись на уменьшение идеологического контроля над наукой и философией со стороны властных структур в силу ряда причин, среди которых особую роль сыграли победа над фашизмом в войне 1941-1945 гг. Однако этого не произошло. Развитие науки в СССР в период второй половины 40-х - 50-х гг. XX в. осуществлялось в ситуации, аналогичной 20-30-м гг. XX в.

Обсуждение проблем философии науки во второй половине 40-х - 50-х гг. XX в. проходило в СССР также в форме дискуссий. Однако, если в центре научных полемик 1920-х - первой половины 1940-х гг. находились проблемы физики, то в период второй половины 1940-х - 1950-х гг. предметом дискуссий главным образом стали вопросы химии и биологии. Данное положение объясняется прежде всего тем, что развитие физики во второй половине 40-х - 50-х гг. XX в. в СССР было дистанцировано от всякого непрофессионального воздействия в силу того, что оно ориентировалось на удовлетворение потребностей военно-промышленного комплекса.

Наиболее важными полемиками в указанный период в СССР стали дискуссия по философии (1947), в центре которой было обсуждение книги академика Г.Ф. Александрова «История западноевропейской философии», и генетике (1948), суть которой заключалась в поиске ответа на вопрос о соотношении «мичуринской биологии» и классической генетики. Дискуссия по физиологии (1950) была ориентированной на возрождение павловского учения, а дискуссия по проблемам квантовой химии (1949-1951) свелась к противопоставлению теории резонанса Л. Полинга и структурной теории А.М. Бутлерова. Все эти полемические осуществлялись в СССР по единой схеме, в соответствии с канонами, сложившимся в период 20-х гг. XX в.⁸

Инициатором такой дискуссии в рассматриваемый период, как правило, становилось письмо на адрес ЦК или непосредственно на имя И.В. Сталина с предложением обратить особое внимание на определенную теорию (концепцию, гипотезу) в связи с тем, что выдвигаемые в ней положения не отвечают принципам диалектико-материалистической философии, не способствуют становлению новой советской науки, а, напротив, служат буржуазным интересам.

Так, например, с просьбой критического рассмотрения книги Г.Ф. Александрова «История западноевропейской философии» автором подобного обращения стал З.Я. Белецкий, мнение о том, что «монополия Т.Д. Лысенко вредит репутации советской науки в глазах союзников по антигитлеровской коалиции», высказал А.Р. Жербак. Ю.А. Жданов стал инициатором так называемой «Павловской сессии». Формально целью такого обращения было привлечение внимания власти к научной проблеме, но фактически идеологическая проекция дискуссии брала верх. Результатом такого обращения была организация на официальном уровне конференций (собраний), в рамках которых проходили дебаты по указанному вопросу.

В ходе дискуссий 40-х - 50-х гг. XX в. можно выделить ряд общих закономерностей. У каждой научной полемики, проходившей в это время, был свой лидер, определяющий развитие (например, в философии таким лидером был А.А. Жданов, в биологии - Т.Д. Лысенко). Естественнонаучные проблемы в ходе таких дискуссий обсуждались в условиях привлечения внимания широкого круга общественности. Свое мнение могли высказывать не только ученые, но и люди, профессионально не занимающиеся наукой (например, на полемику о значении теории резонанса для органической химии большое влияние оказал писатель В.Е. Львов). Этому способствовало подробное освещение того, как проходят научные дискуссии в периодической печати, издание стенограмм научных заседаний, проведение открытых лекций, на которых рассматривались последние достижения естествознания. Характерной чертой таких полемик было противопоставление достижений западной науки, развивающейся в 40-50-х гг. XX в. в русле неклассической рациональности, и отечественных научных разработок. Суть дискуссий 40-50-х гг. XX в. сводилась к обоснованию истинности советских научных теорий, к защите взглядов отечественных ученых.

Отметим, что результаты таких полемик во многом были противоречивы, а в некоторых случаях predetermined заранее. Так, итогом философской дискуссии по делу Г.Ф. Александрова в СССР стало ограничение области историко-философских исследований. Дискуссия в биологии по поводу теории Т.Д. Лысенко, отрицающей внутривидовую конкуренцию, была проиграна сторонниками генетики, а победа мичуринского учения стала абсолютной, одобренной И.В. Сталиным и академическим собранием. Дискуссия по химии стимулировала рассмотрение вопроса о роли знаковых моделей в естествознании, вследствие чего была принята резолюция о необходимости квантовой химии для становления советского естествознания. Итогом дискуссии в лингвистике стала реабилитация классической теории сравнительного индоевропейского языкознания.

В заключение отметим, что становление советской философии науки 20-50-х гг. XX в. происходило в общем русле развития философии науки данного исторического периода, будучи во многом инициированным парадигмальными сдвигами в научной рациональности. Специфика социокультурного контекста развития придала феномену советской философии науки характерные черты, через призму которых в СССР осуществлялось исследование роли и значения естествознания. Особенность советской философии науки определили следующие тенденции: *социологизаторство*, выраженное в СССР в идее создания пролетарской науки, *канонизация* работ В.И. Ленина и И.В. Сталина, *вульгаризация* идей классического марксизма и *догматизм*, жестко ограничивший круг проблем, анализируемых в советской традиции 20-50-х гг. XX в.

¹ Ленин В. И. О значении воинствующего материализма. М., 1984. С. 9.

² Коган Л. А. На подступах к советской философии // Вопросы философии. 2002. № 5. С. 124.

³ Огурцов А. П. Подавление философии // Суровая драма народа: ученые и публицисты о природе сталинизма. М., 1989. С. 360.

"Мамчур Е. А., Овчинников Н. Ф., Огурцов А. П. Отечественная философия науки: предварительные итоги. М., 1997. С. 144.

Ищенко Т. Краткий философский словарь. М., 1931. С. 169.

⁶ Огурцов А. П. Подавление философии // Суровая драма народа: ученые и публицисты о природе сталинизма. М., 1989. С. 367.

⁷ Философия в СССР: версии и реалии (материалы дискуссии) // Вопросы философии. 1997. № 11. С. 3-38.

Поступила в редакцию 16.11.2004.

Татьяна Аркадьевна Пузыревич - аспирантка кафедры философии и методологии науки. Научный руководитель - кандидат философских наук, доцент Е.И. Янчук.

А.П. ХИЛЬКЕВИЧ

К ВОПРОСУ О СТРОГОСТИ ТРАДИЦИОННОЙ СИЛЛОГИСТИКИ

Анализируется центральный раздел традиционной формальной логики - силлогистика. С использованием эйлеровых диаграмм обосновывается мысль о том, что не все из 19 модусов простого категорического силлогизма, издревле представляющих образцом логической строгости, действительно являются категорическими, а лишь некоторые из них.

The article is devoted to the analysis of the central part of the traditional formal logic-syllogistics. With the help of Euler's diagrams the author substantiates the idea that only some of 19 moduses of the simple categorical syllogism are really categorical.

Современная математическая, или символическая, логика убедительно доказала богатейшие эвристические и конструктивные возможности в моделировании и исследовании мышления, в решении теоретических и практических проблем. Своими успехами ей во многом обязаны математика как таковая, математическая лингвистика, кибернетика, теория и практика проектирования и эксплуатации электронно-вычислительных машин, автоматизированных аппаратов, управляющих устройств и т. д. Высокий уровень формализации изучаемого предмета ее средствами привел к открытию многих ранее неизвестных законов мышления. Перед лицом столь стремительных успехов современной логики в некоторых научных кругах стало складываться мнение, что традиционная формальная логика себя уже исчерпала, сказав о мышлении все, что могла. Свидетельством тому является резкое сокращение исследований в рамках традиционной логики.

Однако с таким подходом никак нельзя согласиться. Древнейшая из наук - традиционная формальная логика, предтеча и концептуальная основа современной математической логики - не только не утратила своего самостоятельного значения, но и продолжает оставаться весьма актуальной, поскольку адресуется массовому пользователю с целью повышения уровня его логической культуры (на всех ступенях социальной стратификации). И как наука, в чем ей никто не может отказать, она не есть однажды выработанный образец и потому не может пребывать в состоянии «закостенелости», мнимой завершенности.

С этих позиций и обратимся к ее центральному разделу - силлогистике, с которой она и начиналась как наука творческим подвигом ее первооткрывателя - Аристотеля. И ныне является общепринятым и общепризнанным, что из возможных многочисленных сочетаний различных посылок только 19 модусов силлогизма являются правильными. Еще в XIII в. для них придуманы специальные условные названия (Barbara, Datisi, Fesison и т. д.), где каждая буква несет в себе определенную семантическую нагрузку. Например, гласные в названии модуса (a, e, i, o) указывают на то, какие именно суждения (посылки и заключение) по их качественно-количественной характеристике должны входить в структуру данного вида силлогизма (оставим без внимания другие подробности). Но обратим внимание на то немаловажное, на наш взгляд, обстоятельство, что эти модусы и поныне переходят из учебника в учебник (логики) в своей традиционной незыблемости и, естественно, формируют определенный логический менталитет все новых и новых поколений специалистов весьма широкого диапазона (иначе - зачем же преподавать логику в вузах?!). Но возникает вполне резонный вопрос: насколько преподаваемая ныне система силлогистики строга, безупречна?